

Владеющие несколькими языками знают, что при переходе на другой язык даже процесс мышления протекает как-то иначе. Тем, кто однажды посмотрел на мир сквозь иное стекло – другой язык, – трудно бывает оставаться в границах только родного языка: они теперь знают больше, чем позволено носителю данного стекла-языка, и просто не хватает слов, чтобы выразить все свои мысли.

Получается, что люди, знающие несколько языков, богаче и полнее видят мир. Именно они лучше представляют, что такое культура: ведь *знать* культуру недостаточно, мало уметь разложить по полочкам достижения искусства и науки, нужно еще *понимать* культуру, *чувствовать* ее – ведь мы ее творцы и создания, а не патологоанатомы. И здесь нам на помощь приходит язык, который не существует вне культуры, который является ее частью.

СУЩНОСТНЫЕ ЧЕРТЫ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Т. О. Санникова

Уральский государственный технический университет

Говорят, что образ эпохи создает духовная элита: она пишет книги, картины, а народ по большей части – «безмолвствует». Образ провинциальной интеллигенции XIX века был создан литературой того времени и превратился в тип, в нарицательных героев и в веке XX.

Яркие типажи провинциальных интеллигентов живут во многих произведениях А. П. Чехова. Но мрачные характеристики, данные учителям, врачам, инженерам, есть не только в литературе художественной. Подобные зарисовки встречаются в записках, мемуарах того времени и в научных трудах. Затягиванию провинциального интеллигента обывательской, «болотной», средой, способствовали многие факторы. Шаткое материальное и правовое положение интеллигенции приводило к приниженности, боязливости («Как бы чего не вышло», – постоянно повторяет чеховский Беликов), вечному трепетанию, заискиванию перед вышестоящими и в конечном итоге – к господству «посредственности и фальшивой благонадежности»¹. И смысл известного чеховского рассказа заключается не только в том, что Бе-

ликов – единственный подобный «человек в футляре». Вся трагедия в том, что так называемая элита городка жила в конечном счете как он. И большинство провинциальных интеллигентов действительно были плоть от плоти провинциальной среды и ее атмосферы.

Провинциальный интеллигент, крича, как Диоген: «Ищу человека!», должен был прежде всего искать в человеке, то есть в самом себе опору, стержень, чтобы потом не сетовать: «Были среди наших учителей (врачей и т. д. – *Т. О. Санникова*) и хорошие люди, но их губила глухая провинция и водка»². И только после этого можно было освободиться от массового социального сознания, от подмены внутренней несостоятельности внешними иллюзиями (жизни данного городка, поселка – «идеальной» столичной жизнью) и уже на этом уровне стать интеллигентом не в социальном смысле, а согласно русской культурной традиции.

Становясь интеллигентом, провинциал обрекал себя на включение в группу с уже вынесенными из истории ее формирования родовыми чертами. Однако формируясь в особой среде, отличной от столичной, эти черты несколько модифицировались и приобретали иную окраску. Провинциальная интеллигенция была более патриархальной, поэтому о «беспочвенности» в отношении к ней необходимо говорить с оговорками. Пропась, отделяющая ее от народа, была не так велика и всеми силами сокращалась путем практических действий со стороны провинциальной интеллигенции, идущей зачастую на жертвенность и самоотверженность. Источником самопожертвования служили «идейность», разносторонность интересов, внутренняя свобода и постоянный поиск (происходящий на разных уровнях от поиска нового способа обработки металла до смысла жизни).

Таким образом, провинциальная интеллигенция впитывала в себя черты окружающего провинциального общества, но одновременно с этим пыталась выделиться из него. Столичных интеллигентов в большей степени можно назвать теоретиками, а провинциальных – практиками российской действительности, редко занимавшихся рефлексией по поводу своей деятельности.

¹ Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. 10. М., 1912. С. 164.

² *Осоргин М. Н.* Мемуарная проза. Пермь, 1992. С. 232.